

Монах Платон (Рожков),
насельник Введенского ставропигиального монастыря Оптиной пустынь

Оптина пустынь в годы гонений

Оптина пустынь в начале XX века являлась одной из известнейших обителей России. Это был крупный монастырь с довольно развитым хозяйством¹.

Богослужения проводились в восьми храмах обители, в том числе в двух храмах в Иоанно-Предтеченском скиту. В числе священнослужителей среди братии в 1916 году были: один епископ (на покое), два архимандрита, два игумена, 36 иеромонахов, 18 иеродиаконов. Всего в обители перед закрытием числилось 204 насельника, а также 138 так называемых добровольных послушников – ожидающих вакансии, находящихся на испытании или трудившихся по обету².

Оптинская библиотека, по некоторым сведениям, составляла около 60 тысяч экземпляров книг и рукописей, а издательская деятельность пустыни, имевшая широчайший литературный диапазон (от общенародных листков до богословских сочинений), заслужила высокую оценку современных специалистов³. С середины XIX века обитель оказывала огромное влияние на духовную и культурную жизнь России, что отразилось в художественной литературе эпохи, в переписке и многочисленных мемуарах известных эмигрантов.

Источниковая база

Большую помощь в изучении периода гонений нам оказали хорошо сохранившиеся архивные документы Оптиной пустыни из Отдела рукописей РГБ (ФФ. 213, 214). Материалы этих фондов в основном относятся к дореволюционному периоду и заканчиваются 1918 годом. В их составе: архив монастыря, где можно найти персональные сведения обо всех монахах и добровольных послушниках, о хозяйственной деятельности монастыря, а также собрание рукописей Оптиной пустыни.

Существенная часть материалов о нашем монастыре находится в фондах Государственного архива Калужской области. Это, в первую очередь, фонд № 903 Введенской Козельской Оптиной пустыни, фонд № 33 Калужской Духовной консистории, фонд № 1267 Калужского епархиального совета, фонд № Р-3501 Уполномоченного по делам религий и другие фонды, где хранятся формулярные списки монашествующих, добровольных послушников, материалы, связанные с жизнедеятельностью и последующим закрытием Оптиной пустыни, сведения о лишениях гражданских прав, о первых арестах священнослужителей, циркуляры ОГПУ, переписка об изъятии ценностей и многое другое.

Поиски проводились в фондах бывших партийных архивов Калужской и Тульской областей. В бывшем Калужском партархиве (ныне – ГА ДНИКО), сохранились очень информативные материалы, связанные с закрытием обители, документы о музее «Оптина пустынь», и других учреждениях, организованных на территории монастыря.

В Российском государственном историческом архиве нами изучались документы Святейшего Синода по истории нашего монастыря, в Государственном архиве Российской Федерации в фонде №10035 УКГБ по г. Москве и Московской области изучались архивно-следственные дела наших насельников. Делались запросы и в другие архивы страны. Нами также была предпринята поездка в США для изучения архивных документов известного исследователя Оптиной пустыни И.М. Концевича. Но поскольку нашей основной темой является изучение репрессий в годы советской власти, приоритетными были и остаются архивы ФСБ, МВД и ФСИН. Документы этих архивов являются основной источниковой базой для выяснения биографий пострадавших, для воссоздания житий мучеников и исповедников

XX столетия. Конечно, лишь при правильной методике их изучения. «Опыт критического подхода к их прочтению и анализу с привлечением святоотеческого наследия, периодики, исторических трудов, мемуарной литературы позволяет в большинстве случаев восстановить биографо-генеалогические, психологические, духовно-нравственные характеристики и другие факты о личности человека... Понять жизненные идеалы и ценности, отношение подследственного к аресту и обвинению, мотивацию его поведения на следствии»⁴.

Закрытие обители

После большевистского переворота закрытие монастыря происходило по обычному для того времени сценарию, начавшись декретом «Об отделении Церкви от государства», последующим изъятием ценностей, закрытием храмов и изгнанием монахов. Через несколько дней после обнародования декрета, в феврале 1918 года, отряд красноармейцев прибыл в монастырь. Грубо и бесцеремонно, с применением насилия, была проведена опись имущества, включая предметы богослужебной практики. Вскоре началось и собственно изъятие имущества, отнимались монастырские строения, мельницы, в монастырских гостиницах обосновывались советские учреждения.

По совету знакомых чиновников насельники монастыря, пытаясь удержаться в обители, регистрировали различные артели и хозяйства, но это не могло решить проблему в целом, всего на работу в эти хозяйства устроилось не более 50-ти монахов, а большинству пришлось покинуть родные стены. В какой-то мере обители помогало существование музея «Оптина пустынь», образованного 18 мая 1919 года и которому на баланс перешла немалая часть построек и имущества монастыря⁵. Руководство музея в первое время было настроено довольно лояльно и даже делало попытки сохранить уклад монастырской жизни.

Эта религиозная активность не давала покоя властям: прокурор Калужской губернии в 1922 году в своем отчете жаловался, что организованные «из бывших монастырей коммуны и артели... были в сущности теми же монастырями»⁶. Председатель Калужского исполкома писал: «После закрытия монастырей, они снова начинают оживать... одни под видом сельскохозяйственных и кустарных артелей, другие же под видом памятников старины и искусства». Вскоре Калужский губернский суд постановил: «Ликвидированный монастырь упразднить, кооперативное товарищество из монахов распустить и имущество конфисковать в доход государства»⁷. И 23 марта 1923 года на заседании Козельского уездного исполкома была создана комиссия для окончательной ликвидации Оптиной пустыни. Эта же комиссия решила привлечь следственный аппарат ГПУ к выселению монахов⁸.

В 1923 году в Казанской церкви на праздник Преображения Господня ночью была совершена последняя Божественная литургия, а уже в шесть часов утра того же дня храм был опечатан. Таким образом, монастырь фактически перестал существовать.

Братия окончательно переселилась в Козельск и окрестности, по возможности продолжая свое служение Церкви. В 1928 году был закрыт и музей, все это время не дававший покоя местным большевикам, которые считали его «складом религиозных вещей», ожидающим того времени, пока будет вновь открыт монастырь⁹.

Дальнейшие репрессии

С первых дней существования советской власти монастырь находился под пристальным вниманием репрессивных органов. ВЧК-ОГПУ-НКВД активно проводило оперативно-агентурную работу в отношении монашествующих, отслеживая обстановку, делая попытки вербовок среди братии и окружения.

Аресты начались в 1919 году, продолжились в 1920-м. Заключались под стражу в основном руководители монастыря и музея. В кельях братий проводились обыски. Однажды им даже предъявили обвинение, не больше не меньше, как в подготовке военного

заговора¹⁰. Известно об арестах монастырского руководства, старшей братии, руководства музея и в 1923 году. Никаких более жестких мер принято не было: ни расстрелов, ни длительных заключений под стражу или ссылок. Это были кратковременные аресты, по видимому, имеющие своей целью припугнуть, вывести из равновесия братию, заставить покинуть обитель. Лидия Ивановна Защук, бывший директор музея «Оптина пустынь», вспоминала впоследствии, что в эти годы она арестовывалась 18 раз¹¹.

Следующим шагом ОГПУ было выселение монашествующих «по местам происхождения», так как, якобы, в Козельске и окрестностях сконцентрировалось около 1000 человек из Оптиной, Шамордино и других монастырей, проводящих, по мнению ОГПУ, «контрреволюционную агитацию»¹². Большинство было вынуждено подчиниться этому распоряжению местной власти. Те же, кто смог удержаться от выселения, а таких насчитывается не более 50-60 человек, старались придерживаться прежнего образа жизни: братия в священном сане служили в окрестных храмах, другие прислуживали, пели на клиросах. Чтобы как-то существовать, многие занимались рукоделием, подрабатывали иным образом. Несколько иеромонахов по запросу правящего архиерея были направлены служить на вакантные приходы Калужской губернии.

Первые массовые аресты в Козельске начались в 1927 году. В результате разработки ОГПУ 17 июня были арестованы 11 человек, в числе которых был иеромонах Никон (Беляев), фактический духовник монашествующих, некоторые другие монахи, а также несколько работников музея «Оптина пустынь». Отец Никон был сослан на три года, как и остальные, двое же освобождены из-под стражи, с условием «минус шесть», то есть им было запрещено проживание в шести крупных районах страны¹³. В последующие три года в Козельске были закрыты все действующие церкви, кроме Благовещенской. Согласно спискам ОГПУ в это время в городе проживало около 40 монахов из Оптиной пустыни.

Очередная волна арестов была проведена в 1930 году. Поводом послужило стихийное восстание крестьян на городском рынке, возмущенных произволом милиции. Около 40 монахов и мирян, обвиненных в подготовке восстания и контрреволюционной агитации, были арестованы и приговорены к различным срокам заключения, ссылкам, а один мирянин, сын козельского миллионера был расстрелян¹⁴.

Производились аресты монашествующих и в окрестностях Козельска, арестовывались обычно клирики прихода: настоятель-иеромонах, пономари и певчие, монахи и монахини. В результате в районе не осталось практически никого из братии монастыря, и когда наступил жестокий 1937 год, арестовывать в округе было некого, за исключением нескольких человек. Если репрессии до 1937 года изучались, в основном, по материалам УФСБ по Калужской области, то география последующих поисков разнообразна: Московская, Смоленская, Тульская, Орловская, Воронежская, Липецкая, Ярославская, Владимирская, Ивановская, Ростовская, Ленинградская, Кемеровская и Архангельская области. Делались безуспешные запросы в Казахстан и на Украину. Кроме того, нами изучались более сотни архивно-следственных дел в отношении духовенства Калужской епархии, многие из этих дел довольно объемные, групповые, что дало некоторое понимание обстановки в епархиальном разрезе. Некоторые дела были обнаружены в архивах МВД. Например, оптинский иеромонах Борис (Тюпин) был осужден как социально-опасный элемент, и поэтому его уголовное дело первоначально хранилось не в ФСБ, где группировались дела 58-ой статьи, а в архиве УВД по Калужской области. При обыске у преподобномученика не было изъято ничего, кроме, креста, Евангелия и кадила, но этого оказалось достаточным для расстрела¹⁵.

Полученные материалы позволили исследовать жизненный путь и подвиг 74 человек из числа братии Оптиной пустыни, пострадавших в годы гонений. Многие из этого числа были репрессированы неоднократно, 39 – расстреляны, 7 скончались в лагерях и ссылках. А в целом, с помощью материалов архивно-следственных дел, мемуарных источников, писем

и синодиков, нам стали известны в разной степени судьбы 179 из 370 братьев, включая более поздних оптинских постриженников.

Так стало известно, что трое из насельников Оптиной пустыни скончались за рубежом: в Сербии, Польше, и даже Бразилии. Один монах, по мемуарным источникам, сражался на стороне Белой гвардии и погиб в бою с большевиками в 1919 году. Двое из числа братии служили некоторое время на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны. Один из них эмигрировал, а впоследствии репатриирован из Румынии с приходом советских войск в Восточную Европу и осужден¹⁶, другой, служивший краткое время при немцах в Московской области, также был осужден и погиб в лагере¹⁷. А последний оптинский монах скончался в 1981 году, лишь шесть лет не дожив до подписания указа о передаче Церкви Оптиной пустыни.

Удалось застать в живых и пообщаться с некоторыми очевидцами эпохи, кто хорошо помнил последних оптинских монахов. В результате этой поисковой работы, проведенной с консультативной помощью фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», Синодальной комиссией по канонизации святых были причислены к лику мучеников и исповедников Российских 17 человек из числа оптинской братии. Игуменом Дамаскиным (Орловским) были написаны жития этих святых.

В поисках нравственных идеалов мы обнаружили в архивно-следственных делах немало настоящих духовных жемчужин, блестящих примеров христианского мужества, истинного смирения и покорности воле Божией. Например, оптинский иеромонах Евфимий (Любовичев), преподобномученик. Арестованный в 1931 году, на допросах виновным себя в вымышленной контрреволюционной агитации не признал, никого не оговорил, и вообще заявил следователю: «Я служил верой и правдой вере Христовой и всегда говорил, что все лишения происходят по воле Божией и мы должны терпеть до смерти. Советская власть в России – испытание от Бога и ...существует в России, как наказание от Бога народу русскому, который забыл веру Христову, забыл Царя Небесного и Его помазанника на земле»¹⁸. Так мученик исповедовал в застенках свои убеждения, наедине с мучителями, когда и предположить было невозможно обнаружение этих слов. Оптинский иеромонах Иероним (Федотов) в 1938 году вообще отказался подписывать протоколы допросов, так что следователь НКВД вместе с прокурором были вынуждены составить соответствующий акт¹⁹. Другой пример. 1937 год. Схимонахиня Августа (Защук), преподобномученица, бывший директор музея «Оптина пустынь». Дав показания о своей биографии, отвечать на другие вопросы она отказалась, и следователь объективно это фиксирует²⁰. Таких примеров можно привести множество и это лишь дополнительно подтверждает тот факт, что архивно-следственные дела, несмотря на трудность объективного прочтения, являются для исследователей репрессий незаменимым историческим источником.

Наша поисковая работа продолжается, хотя и встречаются затруднения. Во-первых, это известный приказ трех министров от 25 июля 2006 года, усложняющий доступ к материалам прекращенных уголовных, административных и фильтрационно-проверочных дел²¹, во-вторых, уничтожение в архивах ФСБ некоторой информативной части материалов из состава архивно-следственных дел (имеется ввиду оперативная информация, агентурные донесения, меморандумы).

Мифотворчество

В наших исследованиях мы сталкивались и с такими негативными явлениями, как мифы и апокрифы. Встречались лжегерои, религиозные авантюристы, были и те, кого, только молва человеческая причисляла к насельникам знаменитой Оптиной пустыни²². Возникновение этого феномена понятно и объяснимо. В трудное богоборческое время, церковный народ, нуждающийся в положительных примерах, причислял к лику старцев и

подвижников, людей, полный нравственный портрет которых им был неведом, в силу обстоятельств был закрыт. Биографии некоторых персон просто нас потрясли тем, насколько мемуарные и ранее опубликованные агиографические материалы не соответствовали реальному положению дел.

Столкнулись мы и со случаем самозванничества. Многим известен похороненный на Армянском кладбище в Москве человек, надгробная надпись на памятнике которого свидетельствует, что здесь погребено тело оптинского игумена Иоанна (Соколова). В последние годы было несколько публикаций, в которых описывается его «подвижническая» биография. Но документы оптинского архива, а также материалы трех архивно-следственных дел из ГАРФа и ЦА ФСБ, по которым проходил Иван Александрович Соколов, не дают никаких оснований утверждать, что этот человек имел отношение к Оптиной пустыни. Более того, изучая эти материалы, с уверенностью можно предположить, что он никогда не подвизался в монастыре и не имел священного сана²³.

В другом случае, несколько оптинских иеромонахов-духовников получили известность благодаря рассказам одной или двух женщин-старушек. Рассказы эти впоследствии были растиражированы журналистами в первые годы восстановления Церкви, и так постепенно стало разрастаться народное почитание этих отцов. Но эти рассказы и публикации, мягко говоря, не соответствуют истинному положению дел. Не имея под рукой материалов репрессивных органов, или не доверяя им, зачастую талантливые, но духовно дезориентированные писатели пытаются утолить нравственный голод народа или угодить ему таким образом.

Многим известна книга «Отец Арсений», которая оказала и оказывает большое влияние на церковный народ. В этой книге утверждается, что отец Арсений является постриженником Оптиной пустыни, и мы не могли обойти вниманием в своих поисках эту личность. Хотя в предисловии к книге сказано, что настоящее имя его скрыто (но совершенно непонятно, с какой целью), мы попытались провести поисковую работу по другим критериям: по возрасту, образованию, по датам, послушаниям, местам служения, перемещениям и т.д. Вкратце скажем, что такого человека в Оптиной пустыни не было. Среди выпускников Московского университета также не был обнаружен такой ученый, и, в общем, напрашивается вывод, что «отец Арсений» это только собирательный художественный образ, прототипом которого, по некоторым сведениям, послужил иеромонах Зосимовой пустыни Ефросин (Данилов; †1973)²⁴.

Художественное творчество, авторский вымысел, несовместимы с агиографией. Об этом предупреждал еще епископ Палладий в Лавсаике: «Поскольку многие оставили миру в различные времена много различных списаний, одни – от дуновения благодати свыше, ...другие же – от человекоугодливого и испорченного произволения разрастаются бесплодным многословием для утешения одержимых жаждой тщеславия, а иные – по некоему безумию и действию беса..., на погубление легкомысленных людей и запятнание непорочной и кафолической Церкви»²⁵.

Все вышесказанное служит дополнительным опровержением мнения некоторых исследователей о том, что народное почитание само по себе является исключительным и приоритетным критерием в канонизации подвижников. Наш опыт убеждает нас в том, что невозможно раскрыть личность, игнорируя материалы архивно-следственных дел. Лишь совокупность всех сведений о человеке может приблизить нас к раскрытию его нравственного портрета, к пониманию религиозной позиции подвижника в условиях гонений, перед лицом страдания или смерти.

В полемике некоторые ссылаются на чудеса, якобы, совершающиеся по молитвам того или иного «подвижника». В связи с этим хочется закончить справедливыми словами митрополита Вениамина (Федченкова): «С духовной точки зрения – осторожное отношение

к подобным «чудесам» есть святой долг наш; потому что он проистекает не из неверия, а именно из ревности к славе Божией; чтобы не оказалось потом унижения веры из-за легкомысленного доверия к непроверенным «чудесам»... Лучше недоверить, чем перевернуть: враг может смущать нас помыслами, будто мы оскорбляем святую свою осторожностью. Эту боязнь следует мужественно отражать. Таково учение отцов о всяких видениях, снах, чудесах и тому подобном... Святой Златоуст говорит: "Чудеса не для верующих, а для неверующих" (т. III, 905 стр.), еще: "Ищи не чудес, а спасения". И если бы мы жили все, как должно, то язычники дивились бы нам больше, нежели чудотворцам (т. VII, 361 стр.)»²⁶.

Использованная литература

1. Оптинский альманах. Вып.1. Введенский ставропигиальный монастырь Оптиная пустынь. 2007.
2. Оптинский альманах. Вып.3. Святыня под спудом. Введенский ставропигиальный монастырь Оптиная пустынь. 2009
3. Отечественные архивы. №4. 2009.
4. Региональный общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви». Труды. Вып.1. М., 2004.

---

¹ В частности у монастыря имелось: четыре мельницы, кирпичный и свечной заводики, столярня, лазарет, аптека, иконно-книжная лавка, пасека, разного рода гостиницы. Неподалеку от монастырских стен располагался скотный двор. Обитатели принадлежали несколько дач: для снабжения лесом, рыбой. Для различных работ привлекались сторонние специалисты и сезонные рабочие. С монастыря взимались государственные налоги. В 1917 году государству было выплачено 4383 руб. 97 коп., духовному ведомству 5124 руб., пожертвования составили 6 589 руб. (ГАКО. Ф.903. Оп.1. Ед.хр.359.)

² ГАКО. Ф.33. Оп.2. Ед.хр.2447; Там же. Ф.903. Оп.2. Ед.хр.38.

³ Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2006. С.511.

⁴ Мученики и исповедники Российские в контексте изучения архивно-следственных дел 1920-х–1930-х годов// Оптинский альманах. Вып.3. Святыня под спудом. Введенский ставропигиальный монастырь Оптиная пустынь. 2009, С.269-299.

⁵ ГА ДНИКО. Ф.П-1. Оп.6. Ед.хр.20. Л.195.

⁶ ГАКО. Ф.Р-486. Оп.2. Ед.хр.646. Л.391.

⁷ ГАКО. Ф.Р-378. Оп.2. Ед.хр.58. Л.91.

⁸ ГА ДНИКО. Ф.П-36. Оп.2. Ед.хр.21. Л.23.

⁹ ГА ДНИКО. Ф. П-1. Оп.7. Ед.хр.285. Л.8.

¹⁰ ГАКО. Ф.Р-42. Оп.1. Ед.хр.2106, 2144, 2250, 2337, 2419, 22435, 2541.

¹¹ УФСБ по Калужской области. П-16298 Л.251.

¹² ГАКО. Ф.Р-378. Оп.2. Ед.хр.58. Л.64.

¹³ Архив УФСБ по Калужской области. Д.П-16298.

¹⁴ Архив УФСБ по Калужской области. Д.П-13910.

¹⁵ Архив УФСБ по Калужской области. Д.П-20665.

¹⁶ Архив УФСБ по Ростовской области. Д.П-51939.

¹⁷ ГАРФ. Ф.10035. Д.П-11405.

¹⁸ Архив УФСБ по Калужской области. Д.П-13976. Л.170.

¹⁹ Архив УФСБ по Калужской области. Д.П-4986.

²⁰ Архив УФСБ по Тульской области. Д.П-9953. Л.121.

²¹ «Об утверждении положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел».

---

²² Архимандрит Мартирий (Гришин), схиархимандрит Иринарх (Попов) и т.д.

²³ См.: Монах Платон (Рожков). Из опыта изучения биографий Оптиной пустыни по архивным документам // Отечественные архивы. №4. 2009. С.83-91.

²⁴ Там же.

²⁵ Иросанфион или Новый Рай: собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. М., 2010. С.27. Можно добавить определение современного ученого, что «художественное творчество есть сублимированная компенсация неосуществленных инстинктивных желаний из-за преград, как внутреннего, так и внешнего мира» Еротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. М., 2004. С.98.

²⁶ Митр. Вениамин (Федченков). Записки Архиепископа. Правило веры. М., 2002. С. 637-638.